

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-501-510

Научная статья

Женское одиночество как лейтмотив рассказов Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ

Тянь Фан ✉, А.В. Жучкова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉ 1042205271@pfur.ru

Аннотация. Лейтмотив женского одиночества реализуется во многих произведениях русских и китайских писательниц XX—XXI вв. Внимание к проблематике одиночества отражает глубокую озабоченность женщин-авторов судьбой женщин. Людмила Петрушевская и Цань Сюэ — представители русской и китайской женской литературы конца XX — начала XXI в. Несмотря на то, что творчество Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ относится к разным культурным традициям и формировалось в рамках разных художественно-эстетических систем, внимание к судьбе женщин, темным сторонам жизни и попытка переосмысления современных жизненных ценностей сближают этих писательниц. Проведен компаративный анализ проблемы одиночества в творчестве Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ. Выявляются сущность и причины возникновения состояния одиночества. На основе подробного анализа произведений обеих писательниц сделан вывод о том, что каждая из них рассматривает этот вопрос с противоположных сторон — бытовой и экзистенциальной. Людмила Петрушевская уделяет внимание бытовой жизни человека, в своем творчестве она показывает личное одиночество женщины. Цань Сюэ склонна обращать внимание на экзистенциальное бытие, в женщине она видит глобальное одиночество всего человечества, уровень этой проблемы поднимается у нее до общечеловеческого, через различные метафоры и аллюзии Цань Сюэ раскрывает внутреннюю пустоту существования человека.

Ключевые слова: Петрушевская, Цань Сюэ, одиночество, женская проза

История статьи: поступила в редакцию 02.02.2022; принята к печати 16.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Фан Тянь, Жучкова А.В. Женское одиночество как лейтмотив рассказов Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 501–510. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-501-510

© Фан Тянь, Жучкова А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Theme of Female Loneliness in the Writings of Lyudmila Petrushevskaya and Can Xue

Tian Fang , Anna V. Zhuchkova

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation
 1042205271@pfur.ru

Abstract. The issue of female loneliness is observed in many works by Russian and Chinese women writers of the XX—XXI centuries. Attention to this problem reflects the deep concern of women authors for the fate of women. Lyudmila Petrushevskaya and Can Xue are representatives of Russian and Chinese women's literature of the late 20th and early 21st centuries. Despite the fact that the writings of Petrushevskaya and Can Xue belong to different cultural traditions and were created within the different artistic and aesthetic frameworks, attention to the fate of women, the dark sides of life and an attempt to rethink modern life values bring them together. This paper compares and contrasts the writings of Petrushevskaya and Can Xue on the subject of loneliness. The essence and causes of loneliness are revealed. Based on a thorough analysis of their works, it is concluded that each of them approaches this issue from different seemingly opposing perspectives. Petrushevskaya pays attention to the daily life, in her works she depicts the individual loneliness of women through the image of a terrible but entirely real life. While Can Xue is interested in existential being of all mankind, she reveals the inner emptiness of human existence through various metaphors and illusions.

Key words: Petrushevskaya, Can Xue, loneliness, women's prose

Article history: received 02.02.2022; accepted 16.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Fang, Tian, Zhuchkova A.V. 2022. "The Theme of Female Loneliness in the Writings of Lyudmila Petrushevskaya and Can Xue". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 501—510. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-501-510

Введение

В современной женской прозе наблюдается частое обращение к теме одиночества. Данная тема находит отражение в произведениях Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ — представителей русской и китайской женской литературы конца XX — начала XXI в.

Женская судьба — центральная тема творчества Людмилы Петрушевской, поэтессы, прозаика, драматурга, сценариста и переводчика. Петрушевская сознательно заимствует характерные для постмодернизма методы, реформируя классическую русскую литературу. Эстетика ее творчества согласуется с принципами гиперреализма, возникшего в визуальных искусствах в конце XX в. Пользуясь словами Бодрийяра, «гиперреальное... не точное воспроизведение, а с чрезмерной подлинностью, то есть уже по ту сторону подлинности» [1. С. 147], это the simulation

of something which never really existed, убедительная имитация реальности, которая становится зримее самой реальности. Петрушевская изображает «чернуху» — ужасы жизни, грязь, несчастья, страдания и муки женщин — так гиперреалистично, что порой описываемое вызывает шок.

Цань Сюэ — современная китайская писательница, представитель авангардной литературы. Произведения Цань Сюэ в 2019 и 2020 г. были номинированы на Букеровскую и Нобелевскую премии. Пишет Цань Сюэ в экспериментальном абстрактном стиле, ее часто называют «китайским Францем Кафкой». Цань Сюэ признает, что на ее творчество оказала заметное влияние западная и русская литература. Как и у Людмилы Петрушевской, внимание к потаенным глубинам женской души является важной темой творчества Цань Сюэ и, как заметил китайский писатель Ван Мэн, ее «акупунктура мгновенно нащупывает нужную болевую точку» [Цит. по: 2. С. 191].

Петрушевская и Цань Сюэ по-своему выражают собственные взгляды на проблему одиночества женщин.

Обсуждение

В произведениях Петрушевской героиня часто бывает одинока и от этого — опустошена. Одиночество наносит тяжелый урон ее духовному миру. Татьяна Касаткина отмечает: «Для мужчины отстаивание своего одиночества — победа. Одиночество женщины воспринимается как позор» [3]. О героине рассказа «Темная судьба» Петрушевская пишет: «Ее недавно бросил муж, и она переживала свой позор в одиночку: никого из подруг не пускала в опустевшую квартиру и никого ни о чем не уведомляла». Одиночество разрушительно влияет на здоровье и психологическое состояние героини, но убежать от этого невозможно, приходится терпеть.

Сопутствующие женскому одиночеству мотивы у Петрушевской — отсутствие материального благополучия, любви, взаимопонимания, уважения и условий для самореализации. Несмотря на то, что женщина у Петрушевской часто живет и работает в городе и имеет высшее образование, она бедна и одинока, даже если в крошечной квартире живет вместе с членами своей семьи. В ее жизни есть лишь бедность, недоедание, бесконечные ссоры между родными. «Муж пьет, бьет или ушел к другой, сын в тюрьме, мать в психбольнице, дочь неожиданно рождает» [4].

В центре художественного мира Петрушевской — дом, символизирующий собой пространство женщины; он небольшой, узкий, замкнутый, намекающий на удушающую атмосферу жизни героини. Жизнь с родными и большим количеством соседей не приносит счастья, взаимопомощи и тепла, а вызывает бесконечные неприятности и одиночество души.

Обращаясь к произведениям Петрушевской, А. Бастриков писал так: «Писательница выявляет нечто вроде национального женского архетипа — женщины, погруженной в бытовые (неразрешимые) проблемы, выносливой, глубоко одинокой, несмотря на многочисленные родовые связи» [5]. В повести «Время ночь» в двухкомнатной коммуналке проживает героиня-рассказчица Анна Андриановна с внуком Тимочкой, дочь Алена — мать троих детей от разных мужчин и сын

Андрей, вернувшийся из тюрьмы. Мама Анны временно уступает жизненное пространство потомкам и ложится в психбольницу. В таком уродливом мире герои не могут себе позволить «роскошь» любить стариков. Анна Андриановна, несомненно, одинока: жизнь проходит в заботе о родственниках, тяготит отсутствие постоянной работы и достойной зарплаты, непонимание близких, казалось бы, людей. Анна Андриановна, образованная и творческая женщина, которая чувствует глубинное родство с Анной Андреевной Ахматовой, своей «мистической тезкой» (на что указывает и имя героини), потерялась в крайней нищете, материальной и духовной. Дочь лишила ее возможности обрести личное счастье. Единственный для Анны Андриановны способ хоть на время избавиться от безысходной тоски — писать стихи и вести дневник, сидя на кухне глубокой ночью.

Впоследствии понимаешь, конечно, что не только и не столько от голода и недостатка денег мучаются люди. Чаще всего — от холода душевного, холодности других по отношению к ним, мороза чувств, льда речей. Допустим, муж не понимает жену и ей изменяет, но жену по-настоящему истязает его неумение услышать и понять [4].

В рассказе «Медея» женщина является матерью-разрушительницей, которая тяжело переживает чувство одиночества. Рассказчица, утомленная жизнью семидесятитрехлетняя бабушка, рассказывает страшные истории, настоящие трагедии об одиноких женщинах: героиня первой истории одна поехала с двумя детьми в Сибирь, сын умер по дороге. Муж ее избил до полусмерти. Без работы, без денег, без поддержки семьи, в отчаянии, словно унаследовав от мужа ген насилия, избил дочь. В итоге женщину «лишили родительских прав, и ее объявили психически ненормальной и недееспособной».

Вторая история еще страшнее: Медея, мать-детоубийца, — женщина с высшим образованием, потеряла работу, впала в депрессию. Медея хотела получить утешение и семейное тепло от мужа и дочери, но ее муж «совсем не любил, только дочку», а дочка была ближе как раз к отцу. Женщина жила как невидимка, ощущала себя ненужной как в семье, так и в обществе. Встречая лишь непонимание, безразличие и отчужденность, женщина решила мстить — убить дочь. В итоге женщина «сидит одна в безумии в тюрьме, ожидая казни» [6. С. 211].

Кажется, что женщина избил (убила) дочку, но на самом деле именно женщину уже «убило» безысходное одиночество, вызванное семейной и социальной изоляцией.

Если Медея предпринимает попытку выбраться из одиночества ценой любви к своему ребенку, то «других героинь Петрушевской одиночество толкает на „виртуальное“ поведение — на бесконечные выдумки своих успехов на любовном фронте» [7] — те же симулякры и симуляции, по Бодрийяру. В рассказе «Скрипка» молодая беременная женщина Елена лежит в больнице. Героиня придумала себе историю жизни. «Она врала безудержно». Елена рассказывала о своей учебе в консерватории, «трудилась над письмами, вела секретные переговоры с нянечками, тихо беседовала со своей подругой по телефону, рассказывала о своем муже Валерии, инженере, который живет в другом городе и сейчас не может приехать». В конце было ясно, что Елена симулировала обморок на улице, чтобы по-

пасть в больницу, ведь она совершенно одна, и ей некуда идти. Одинокая женщина удалась из палаты — в никуда.

Исследователи отмечают в поэтике Петрушевской склонность к мистицизму, относят ее тексты к магическому реализму, но мы согласны с теми, кто называет ее метод гиперреализмом. Эстетика гиперреализма и бодрийяровская теория симулякров лучше описывают художественную реальность Петрушевской.

«Репрезентация исходит из принципа эквивалентности реального и некоего „представляющего“ это реальное знака (даже если эта эквивалентность утопическая, это фундаментальная аксиома). Симуляция, наоборот, исходит из утопичности принципа эквивалентности, из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии, из умерщвления всякой референтности. В то время как репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как ложное, „поврежденное“ представление, симуляция охватывает и взламывает всю структуру репрезентации, превращая представление в симулякр самого себя» [1].

В рассказе «Мост Ватерлоо» героиня баба Оля живет в безысходном одиночестве: муж давно уже ушел из семьи, и она, бывшая оперная певица, прозябает в маленькой квартире с дочерью, мужем дочери и внуком, спать приходится на диване. Она вечно о ком-то хлопочет. Но однажды, на сеансе в маленьком кино-театре «баба Оля увидела на экране все свои мечты, себя молоденькую, тоненькую, как тростинка в заповеднике, с чистым личиком, а также увидела своего мужа, каким он должен быть, и ту жизнь, которую она почему-то не прожила». И она выдумала себе другую, новую жизнь, — волшебный мир, где она спешит на свидание с любимым Робертом Тейлором.

В «Рассказнице» героиня, совершенно одинокая в этом мире, постоянно рассказывает о своей счастливой любви. Это не столько способ самовыражения, сколько отчаяние одиночества. Таким образом Галя стремится обратить на себя внимание, обозначить свое место в этом мире, заявить, что она существует. Как пишет Бодрийяр, «переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот. Если первые отсылают к теологии истины и тайны (что все еще является частью идеологии), то вторые открывают эру симулякров и симуляции, когда уже не существует Бога, чтобы распознать своих, и Страшного Суда, чтобы отделить ложное от истинного, реальное от его искусственного» [1].

«Петрушевская, следуя мифологической модели, относит свою героиню к определенному архетипу: несчастная женщина, бездетная жена, нелюбимая жена, покинутая жена, незамужняя женщина, пьющая женщина, одинокая мать и др.» [5]. Одиночество как злой рок обрушивается почти на каждую из ее героинь. В рассказе «Страна» автор рассказывает об одиночестве пьющей матери. Перед нами разворачивается безнадежная картина: героиня — брошенная мужем женщина «тихая, пьющая, никому не видимая». Алкоголь является смыслом ее жизни, и способом бороться с одиночеством, опустошенностью. Ее дочка тихо играет в свои старые игрушки, ничего не понимает в страданиях матери. Ни материнской нежности, ни детской радости, ни живой семейной атмосферы.

Пространство в рассказе «Страна» тесное, замкнутое, символизирует беспомощность существования женщин. Мать и дочь не в состоянии преодолеть ре-

альные трудности в жизни, положиться на мужа и друзей невозможно, вырваться из невыносимого одиночества они не в силах. Деться некуда. Только другая страна во сне временно становится мнимым счастьем для них.

Критик К. Ямшиков отметил, что «Цань Сюэ не интересно исследовать человеческую душу популярными, расхожими методами. Ей важно погрузиться в самые глубины человеческого сознания и чувства. Понять, например, откуда протекает зло и где возрастает добро» [8]. Вместо привычной для литературы социально-психологической обрисовки одиночества через одиночество человека в толпе Цань Сюэ выражает одиночество через метафорические и абстрактно-философские образы.

В творчестве Цань Сюэ одиночество — это отчаяние перед иррациональным поведением человечества. Когда герой обнаруживает, что помимо его воли уродство побеждает красоту, зло — доброту, иррациональность — рациональность, у него возникает чувство отчаяния и безысходного одиночества.

Цань Сюэ говорит: «Когда человек полностью потерял свободу, естественно, человечество поддерживает баланс неприкрытым уродством. Лишение свободы ведет к неспособности общаться. Если человек ненавидит уродство и не хочет общаться, у него даже нет желания общаться с окружающим, тогда человечество неизбежно впадет в одиночество» [9. С. 55]. Практически все героини произведений Цань Сюэ находятся под наблюдением окружающих, под чужим взглядом, тревожно живут в изоляции и беспомощности, между людьми почти нет нормального общения и взаимопонимания. Человек в таком мире испытывает разочарование и потому предпочитает жить в фантазиях и поисках духовного утешения.

В рассказе «Хижина в горах» таким идеальным, но иллюзорным пространством становится для несчастливой героини маленькая хижина с виноградником, свободное место ее души.

В обычной жизни девочка живет в несчастливой семье, без любви и взаимопонимания, члены семьи равнодушны друг к другу. Мама роется в ящиках героини, перетряхивает, бросает на пол мертвых бабочек и стрекоз — подарки природы для девочки, хотя знает, как героиня всем этим дорожит. «Мать притворяется, будто ничего не знает, а глаза-то опускает. Но я спиной ощущаю злобный взгляд. Как уставится в затылок — у меня сразу немеет и вспухает кожа» [10. С. 46]. Папа прячет шахматы девочки у колодца за домом. Младшая сестра разговаривает с ней всегда безразличным тоном, при этом «ее левый глаз зеленеет». Нет никакого детского счастья, нет родственной любви. Только ящик, мертвые бабочки и стрекозки.

Хижина в горах в фантазиях героини — это тайна, а также утешение для нее: «За нашим домом — глухая гора, а на ее вершине — дощатая хижина». Пока читаешь рассказ, кажется, что эта хижина реально существует. Но каждый раз, как героиня поднимается на гору, не видно ничего кроме белых камней, «... голова закружилась... соленый пот выступил, заливал глаза... ничего не увидела, ничего не услышала». Она хотела бы поделиться этим с другими, но ее внутренний мир никого не интересует. Мир фантазии и иллюзии в произведениях Цань Сюэ — далеко не симулякр, это другое. Через сопряжение двух реальностей, настоящей и выдуманной, писательница показывает физическую жизнь человека однове-

менно с жизнью его души. Фантазийный мир Цань Сюэ не столько выдумка, сколько образ души героев. То, что в психоанализе называют «внутренними образами»: картины, состояния, ощущения, символизирующие наши переживания и раскрывающие для нас — нас самих. Они красивы, эти внутренние образы (даже если иногда и ужасны), потому что проявляют творческую часть человека, сигнализируют, что душа жива. В произведениях Цань Сюэ эти образы символизируют надежду и красоту, но они всегда тленные, преходящие, легко разрушаемые. Так и в рассказе «Хижина в горах»: мираж хижины, исчезая, подразумевает полное духовное выгорание героини.

В рассказе «Хижина в горах» реальный мир изображается абсолютно видоизмененным и страшным: через восприятие героини автор деконструирует канонический образ семьи, описывает абсурдные, пугающие и уродливые семейные отношения. Ящик, стрекоза, бабочка, белые камни и хижина — каждый образ вызывает у читателей множественные ассоциации. Мама с притворной улыбочкой следит за девушкой, кажущийся волком отец ночами рыщет со стаей вокруг дома и жутко воет.

Цань Сюэ использует символы и метафоры, приемы деконструкции и трансформации традиционных образов и межличностных отношений. Она экспериментирует с содержанием, почти без швов соединяя конкретное и абстрактное, реальное и субъективное. Ее художественная цель — описание подсознательного мира. А лейтмотив большинства произведений — безысходное одиночество существования человека и человечества.

В рассказе «Бык» волшебный пурпурный свет символизирует единственную радость, единственное ожидание героини в скучной и бессмысленной жизни.

В большом зеркале женщина раз за разом видит быка в ореоле пурпурного света. Но муж ее не слышит, не понимает. Когда жена упоминает о быке, муж всегда говорит ерунду — о зубах, мышце, дереве и т.д. Муж и жена не могут нормально общаться, у них нет общего языка. Они могут проговорить всю ночь, но только о своих делах, совершенно не слушая друг друга:

— Я увидела что-то, — сказала я ему неуверенным тоном, — странный пурпурный свет.

— Смотри, — он оскалил свои черные зубы, — это как кротовые норки.

— Он бык [примеч. наше. — *Авт.*] ходит вокруг нашего дома день и ночь, ты ни разу не видел?

— Кто-то уговорил меня вырвать зубы, сказав, что потом все будет совсем хорошо.

Муж заботится только о своих зубах, что метафоризирует его заботу о реальной жизни, а жена думает о мире в зеркале — своем бессознательном и духовном.

В финале муж разбивает зеркало молотком, бык и пурпурный свет исчезают навсегда — и женщина теряет надежду на жизнь. Конец рассказа констатирует абсолютную неспособность супругов к взаимопониманию и окончательное разрушение духовного мира женщины.

В произведениях Цань Сюэ повествование часто строится как соединение беспорядочных и сумасшедших снов. Потеря границы между сном и реальностью вызывает у героя и у читателей тяжелое чувство одиночества. В рассказе «Мгно-

вание, когда кукушка кукует» героиня вспоминает юношу, который «всегда носит на груди золотое чучело бабочки». Она «решила искать его на каждом углу, на каждом перекрестке». Читатели уверены, что это история из жизни, обычный нарратив. Но затем говорится: «Я пошевелила ногами, и пол сильно трясся». Оказывается, тот мир был нереальным, и мы вместе с героиней оказываемся в нем. Но, в отличие от романтического зазеркалья, мир фантазии не остается статичным, потому что это не двоимирие в привычном плане, а отражение внутренней подсознательной жизни героини. В иллюзорном мире тоже идет время, и однажды героиня замечает, что бывший милый юноша оказался уродливым стариком-мышью: «Я помню, что этот старик не был мышью, но мышь у стены — это действительно он». Женщина не нашла юношу с золотым чучелом бабочки ни во сне, ни в реальности. Финал печален: «Я сижу у печи, и все мое тело сжимается».

Разочаровывающие финалы приводят героев Цань Сюэ к еще более глубокому чувству одиночества. Как видим, метод писательницы основан на том, что вначале она создает для героини сказочный мир ожиданий, мечтаний и грез, а к финалу, когда ее мечты и иллюзии терпят крушение, героиня приходит с осознанием внутренней экзистенциальной пустоты.

Проблема одиночества в рассказах Цань Сюэ не ограничивается рамками отдельной личности, она ниспровергает жизненные ценности, которых мы придерживаемся с древнейших времен. В рассказе «Легендарное сокровище» писательница отмечает, что и труд, и даже само человечество просто отображение мимолетного времени. Уровень проблематики одиночества поднимается до общечеловеческого.

Заключение

В произведениях Петрушевской и Цань Сюэ говорится об обыкновенных людях, которые живут в напряженных межличностных отношениях, полны страха, равнодушия и подозрений. Душевное удовлетворение, которое люди ищут, чистота общества, свободное мышление — все это зависит от межличностных отношений, т.е., по сути, от самих героев.

В мире Петрушевской речь всегда идет о частном, личном одиночестве женщины, а не о глобальной проблеме одиночества всего человечества. В этом отношении полной противоположностью героиням Петрушевской являются протагонисты Цань Сюэ, которые поглощены поисками ответов на вечные вопросы, такие как душевная свобода, смысл существования человечества, правда и ложь и т.д. И в отличие от одиночества женщин Петрушевской, вызванного во многом внешними разрушительными силами, одиночество героинь Цань Сюэ заключается в отсутствии духовной свободы и веры. Нельзя сказать, что одно не вытекает из другого.

Интересно как раз то, как Петрушевская и Цань Сюэ, рассматривая проблему женского одиночества с двух вроде бы противоположных сторон — бытовой и экзистенциальной — освещают в итоге эту проблему во всей ее полноте. Будь то тирания обыденности, социальные обстоятельства, которые становятся роком для героинь Петрушевской, или неспособность героинь Цань Сюэ понять дви-

жения своей души и осознать их — из-за нашей *собственной* ограниченности мы живем в постоянной борьбе с другими, природой и даже самими собой.

Судьба героинь в произведениях Петрушевской и Цань Сюэ напоминает читателям, что одиночество — один из постоянных атрибутов современного человечества, один из печальных итогов его пути.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.
2. *Крылова С.В.* Извечное одиночество души: Франц Кафка и Цань Сюэ // Материалы международной научной конференции: китайско-белорусские языковые, литературные и культурные связи: история и современность, Минск: БГУ, 2019. С. 191—198.
3. *Касаткина Т.А.* Но страшно мне: изменишь облик ты // Новый мир. 1996. № 4.
4. *Рыкова Д.В.* Духовные искания героев малой прозы Л. Петрушевской // Материалы Всероссийской научной конференции: духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира, Ульяновск, 2003. С. 171—174.
5. *Бастриков А.В.* Особенности женской картины мира (на материале текстов Л. Петрушевской) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004.
6. *Колча И.М.* Гендерная картина мира (по рассказам Л. Петрушевской «Медя» и М. Веллера «Разбиватель сердец») // Труды молодых ученых алтайского государственного университета. 2011. № 8. С. 210—211.
7. *Пушкарь Г.А.* Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2007.
8. *Ямщиков К.* Отвага сюрреализма. О современной китайской писательнице Цань Сюэ // Ревизор. ру. 20.12.2018. URL: <https://rewizor.ru/literature/reviews/otvaga-surrealizma/> (Дата обращения: 09.04.2021).
9. *Сяо Юйлин.* Одиночество как лейтмотив творчества Цань Сюэ // Вестник Сяньнаньского университета. 2009. Т. 30. № 3. С. 54—70.
10. *Цань Сюэ.* Хижина в горах / пер. с кит. С. Торопцева // Азия и Африка сегодня. 1990. № 12. С. 45—47.

References

1. Baudrillard, J. 2015. Simulacra and simulation. Moscow: Postum publ. Print. (In Russ.)
2. Krylova, S.V. 2019. Izvechnoe odinochestvo dushi: Franc Kafka i Can' Sjuje. Kitajsko-belorusskie jazykovye, literaturnye i kul'turnye svjazi: istorija i sovremennost': International Scientific Conference. Minsk: Belarusian State University, May 17-18. P. 191—198.
3. Kasatkina, T.A. 1996. No strashno mne: izmenish' oblik ty. Novyj mir 14. 13 p. Print. (In Russ.)
4. Rykova, D.V. 2003. Duhovnye iskanija geroev maloj prozy L. Petrushevskoj. Duhovnaja zhizn' provincii. Obrazy. Simvolj: All-Russian Scientific Conference. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, June 19-20. P. 171—174. Print. (In Russ.)
5. Bastrikov, A.V. 2004. Osobennosti zhenskoj kartiny mira (na materiale tekstov L. Petrushevskoj). Russkaja i sopostavitel'naja filologija: Lingvokul'turologičeskij aspekt. Kazan: Kazan State University publ. Print. (In Russ.)
6. Kolcha, I.M. 2011. Gendernaja kartina mira (po rasskazam L. Petrushevskoj «Medeja» i M. Vellera «Razbivatel' serdec»). Trudy molodyh uchenyh altajskogo gosudartsvennogo universiteta 8: 210—211. Print. (In Russ.)
7. Pushkar', G.A. 2007. Tipologija i pojetika zhenskoj prozy: gendernyj aspekt (na materiale rasskazov T. Tolstoj, L. Petrushevskoj, L. Ulickoj). Thesis of Candidate Diss. on philosophy. Stavropol. Print. (In Russ.)

8. Jamshhikov, K. 2021. *Otvaga sjurrealizma. O sovremennoj kitajskoj pisatel'nice Can' Sjuje*. Revizor.ru. Web. URL: <https://rewizor.ru/literature/reviews/otvaga-surrealizma/> (Date of Access 09.10.2021) (In Russ.)
9. Xiao Yulin. 2009. Loneliness: an analysis of Can Xue' s writing theme. *Journal of Xiangnan University* 30 (3): 54—70.
10. Торопцев, S. 1990. *Perevod s kitajskogo: Can Xue. Hizhina v gorah // Azija i Afrika segodnja* 12: 45—47. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Тянь Фан — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. E-mail: 1042205271@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-3815-7084

Жучкова Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов. E-mail: capra@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6948-4651

Bio Note:

Fang Tian is a Postgraduate student of RUDN University, Department of Russian and Foreign Literature. E-mail: 1042205271@pfur.ru
ORCID: 0000-0002-3815-7084

Anna Vladimirovna Zhuchkova is a Ph.D in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature. E-mail: capra@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6948-4651